

ЛУК И СТРЕЛЫ В КУЛЬТУРЕ, ФОЛЬКЛОРЕ И ЯЗЫКЕ ТУРЕЦКИХ НАРОДОВ АЛТАЯ И МИНУСИНСКОГО КРАЯ

Орудия труда, поскольку они играют видную роль в производстве, в экономике данного общества, окружаются заботой о них, вниманием, часто особым почтением, почти благоговением. Это благоговение, почтительное отношение имеет тенденцию переходить в религиозное.

На этой стадии, т.е. в период, когда то или другое орудие сохраняет еще свое значение в производстве, орудие промысла рассматривается как участник производства. Так, у охотничьих народов орудия охоты, поскольку они (л. 1) играют б[ольшую] роль в экономике, рассматриваются как участники промысла, и от них, по представлениям этих племен, зависит частично и удача на промысле, а след[овательно] и благополучие самого охотника. Совершенно естественна отсюда забота, внимание охотника к орудиям промысла.

Насколько сильно и явственно представление охотников о роли и значении охот[ничьих] орудий в процессе охоты, видно уже из того, что некоторые ловушки, самострелы, ружья считаются особенно счастливыми, удачливыми, и охотник боится небрежным, невнимат[ельным] отношением уничтожить эту удачливость своих орудий. Такие орудия особенно ценятся, особенно бережное отношение к ним усиливается. В представление о них присоединяется часто (л. 2) момент чудесного, сверхобычного.

Когда такое орудие производства начинает исчезать из производства, существовавшее веками бережное, благоговейное отношение, вытекающее из его значения и роли в производстве, превращается в чувство религиозное.

Утратив свое значение в производстве и экономике, орудие сохраняет и закрепляет за собою значение в культуре. Требуется один шаг, а именно — чтобы эти орудия вышли из употребления в производстве, и тогда они — религия (л. 3) и культ.

Все эти стадии (в отношении к орудиям промысла) мы можем видеть на конкретном примере отношения племен Алтая и Минус[инского] края к орудиям охотничьего промысла — лукам и стрелам, некогда игравшим б[ольшую] роль в производстве и экономике, а ныне вышедшим из употребления и сохраняющим свое значение как состав[ляющие] охотн[ичьи] оруд[ия] в детск[их] играх и особ[енно] в культуре. (л. 4)

Звероловный промысел играл существенную роль в экономике ту-рецких племен как Алтая, так и Минусинского края. У ряда этих племен охота существовала наряду с основным видом хозяйственной деятельности — интенсивным полукочевым скотоводством, у других — охота была основным, ведущим видом хозяйственной деятельности. Особое значение, совершенно естественно, охот[ничий] промысел имел в лесной северной части Алтая (у тубаларов и шорцев) (л. 5) и в притаежных районах Минусинского края (сагайцев, бельтиров, койбалов и кизильцев) [Материалы 1893; Кузнецова, Кулаков 1898]. Согласно статистическим данным конца XIX и самого начала XX в., % [процент] хозяйств, занимающихся охотничьим промыслом, был весьма значителен. Так, согласно данным С.П. Швецова, занимались охотничьим промыслом 52,9 % хозяйств кумандинцев Верхне-Кумандинской волости и 62,2 % хозяйств Нижне-Кумандинской волости (1901) [Горный Алтай 1903], 85,3 % хозяйств кочевых инородцев (алтайцев) (1897) [Горный Алтай 1903], 75,9 % шорцев Кузнецкого уезда (1900) [Горный Алтай 1903], причем в некоторых (л. 6) волостях б[ывшего] Кузнецкого уезда, население которых составляли преимущественно шорцы, процент занимающихся звероловством доходил до 90 % (Кивинская волость) и даже 99,9 % (Кийская волость) (л. 7) [Горный Алтай 1900]. Среди орудий охотничьего промысла основное значение имели лук и стрела. Лук и стрела сохранялись еще в XVIII в., а местами в глухих районах даже в конце XIX века. В отписках русских завоевателей говорится, что алтайцы имели луки и стрелы. Так, в рапорте майора фон Эндепа (1751) сообщается, что от калмыков отобраны стрелы, копыя, луки и кольчуги [Потанин 1866: 92]. В указе красноярского воеводы саянскому приказчику Степану Мурцеву (1743) говорится: «Приехало к нам (на р. Каменку Бийского ведомства) калмыков 5 человек, при которых де калмыках было ружье, 2 сайдака (*sādaq* — луки и колчаны) да 3 турки (т.е. ружья)» [Вагин 1913: 97]. В царской грамоте кузнецкому воеводе Диментию Кавтыреву (1641) сказано: «... и в отписке твоей написано: на 148 год Кузнецкого уезду с ясачных людей взято за 29 соболей лук телеский, шапка да 21 таган железные» [Акты историче-

ские 1841: 374]¹. По количеству луков (л. 8) считалось население родов. Так, про роды *Кобый*, *Карга* и *Кый* (по р. Тее бывш[его] Минусинского округа, ныне — Хакасской авт[ономной] области)² Паллас писал: «Ich kam nach etwan 6 Wersten über den Bach Isse und wechselte einige Werste weiter am Bach Tiö bey Kobynzischen Tataren, welche daselbst ihre Jurten hatten, den Vorspann. Ich fand daselbst die Aeltesten oder Knäszı von dreyen tatarischen Stämmen, welche die Nahmen Kobyn, Kargin und Kain führen und sämtlich unter Kusnezsk stehen, beysamen... Der Kobynzische Stam besteht aus 53 Bogen, der Kargynzische aus vierzig...»¹ (1772) [Pallas 1776: 362. Про роды, входящие в состав качинцев, он же говорит: «Der eigentliche Jarin-Aimak zählt auf 30 Bogen und ihr Aeltester (л. 9) oder Knäsez wohnt am Uybat; der Tinskische oder Buk-Tjin-Aimak besteht aus 29 Bogen und hat seinen Knäsez am Bach Koma...; der Kaidinzische Stam endlich (Kasan-Kaidin-Aimak) hat nur 16 Bogen...»ⁱⁱ [Pallas 1776: 339]. По лукам же раскладывали ясак. «Die ganze Völkerschaft (сагайцев) hat nicht mehr, als hundert und funfzig Männer, welche Jassak erlegen, der auf drey Rubel vom Bogen festgesetzt ist»ⁱⁱⁱ [Pallas 1776: 348]³.

«Кумандинцы, — говорит Н. Шерр (1898), — прежде употребляли для охоты лук, но последний уже вышел у них из употребления. И до сих пор вместо подписи они употребляют изображение лука» [Шерр 1903: 97]. Изображение лука как тамги '*ja taŋta*' встречаем мы и у теленгитов [Радлов 1893–1911, т. I: 1]. (л. 10) В археологических раскопках Алтая и Минусинского края, а также в подъемном материале в Кузнецкой тайге наконецники стрел из различного материала и различной формы занимают большое место и свидетельствуют о широком распространении стрел и луков у всех этих племен [Клеменц 1886: 161–162, табл. VII, XV, XVI, XCII; Кузнецов 1889: 9, 30; Теплоухов 1929: 47, 52, 53, 58; Radloff 1884; Грязнов 1928].

Будучи индивидуальной собственностью охотника, лук и стрелы клались в могилу с умершим как (л. 11) необходимые принадлежности промышленника и в загробном мире. Так, Паллас про бельгиров пишет: «Männlichen Leichen pflegt man ausser den besten Kleidern auch einen Bogen und Köcher mit zerbrochnen Pfeilen [...mit in den Sarg zu geben]» (Помимо лучших одеяний [в могилы] умерших мужчин бычно [кладут] также лук и колчан со сломанными стрелами) (1771) [Pallas 1776: 356]. «Bei den männlichen Skeletten, — сообщает Radloff про погребения на Алтае, — befanden sich eiserne und aus Knochen geschnitzte Pfeile, Messer einer

¹ Под властью калмыков-ойратов Алтай находился вплоть до русского завоевания. Под именем же калмыков известно в русских документах XVII–XVIII вв. и отчасти в описаниях путешественников XIX в. и само население Алтая — алтайцы.

² Роды Кобый и Карга есть в составе шорцев Горно-Шорского района и сагайцев Хакасск[ой] авт [ономной] обл[асти].

³ Ср.: учет сбора ясака у карагасов производился по ружьям [Миротворцев 1921: 8].

Lanzenspitze und Bruchstücke eines Bogens» (Около мужских скелетов находились железные и вырезанные из кости стрелы, наконечники копей и обломки лука) [Radloff 1884: 106]. В могилах таштыпского переходного этапа (в Минусинском крае) найдены были остатки луков [Теплоухов 1929: 51]. (л. 12)

«*Uluḡ taiyaŋ tegejinde alyptyŋ sōgün čyyp saldylyr. soŋan cacayyn syndŋrup aŋm-oq sal saldylyr. alyptyŋ sōkterineŋ taḡ ḡs paryan, alyptyŋ čarnynaŋ quzuq ayaš ḡs paryan*»^{iv}.

«На вершине великой тайги похоронили богатыря (букв[ально] кости богатыря), лук и стрелы изломав, с ним же положили. Из костей богатыря гора выросла, из лопатки богатыря кедр вырос» — говорится в былинке шорцев.

«*So ŋan cacaq synyp, alyp ḡl pardy*»^v — «Лук и стрелы изломались — богатырь умер» — образное выражение о смерти богатыря у шорцев, сагайцев, кумандинцев и телеутов.

Фольклор как алтайских, так и минусинских турок полон описаниями охоты богатырей с луками и стрелами, с одной стороны, и сражений и битв с помощью луков и стрел — с другой. (л. 13) Развитие обмена и торговли повело к замене лука и стрел ружьями, сначала фитильными (*myltalu — multyq, qoŋdoj multyq*) и кремневыми (*multyq taš — [y]* алтайцев, *taštyḡ myltyq — [y]* шорцев, *tastuḡ myltyq — сагайцев*), а позднее охотничьими дробовиками [Вагин 1913: 8; Материалы для истории Сибири... 1866, кн. 4: 92)]⁴. Лук и стрелы остались лишь (л. 14) при мелкой охоте, напр[имер] при весенней охоте на бурундука (рис. 1), при стрельбе на рыбу и как составная часть самострела (рис. 2). В то время как лук и стрела уступили свое место в охотничьем промысле, с одной стороны, самострелу, с другой — ружью, названия этих старинных орудий промысла были перенесены на новые орудия, их сменившие [ср.: Марр 1926]. Так, у алтайцев старое название стрелы — ‘*oq*’ — служит в настоящее [время] также названием для ружейной пули [Радлов 1893–1911, т. I; Вербицкий 1884]. У шорцев, у которых термин ‘*oq*’ в настоящее время обозначает исключительно пулю (для стрелы термин *so ŋan*), все же в их былинном эпосе ‘*oq*’ имеет, по всей вероятности, значение стрелы, хотя и переводится шорцами как пуля. Так, напр[имер], «*altyn šarcyn at paylarya čedišpen, altyn oqtaryn šazyp paylap partyrlar*» — «у золотой коновязи не хватило места, чтобы привязать коней, золотые пули (в действительности стрелы) воткнув, привязали [коней]»

⁴ Так, уже в 1652 г. посланцы красноярского воеводы в кочевья киргизов и тубинцев (в Минусинском крае) увидели 30 русских винтовок, 15 пищалей калмыцких, много пороха и свинцу. Туземное население ответило посланцам красноярского воеводы: «...привозят нам из Томска всякие люди и меняют на товары». Отписки русских завоевателей говорят о том, что алтайцы (при переходе в русское подданство) наряду с луками и стрелами имели и ружья, называемые турками (*turki*), чугунные пули, свинец и порох.

Рис. 1. Колчан со стрелами, используемыми при весенней охоте на бурундука.
Кожа, дерево, металл, перо. Алтайцы, начало XX в.
Фото автора. (АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 197)

Рис. 2. Ловушка (черкан). Дерево, ровдуга. Шорцы, начало XX в. (МАЭ, 3645-158)

Рис. 3. Дети, играющие с луками и стрелами.
Фото автора. (АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 197)

[ср.: Вербицкий 1884: 209, 86, 217, 31, 420, 15, 283; Радлов 1893–1911, III: 1823, 1909; Радлов 1893–1911, I: 1236, 386]⁵. (л. 15)

То же перенесение названия по функциональной значимости может быть отмечено и в термине для названия спускной дощечки у самострела. Спускной курок у самострела носит название *‘ergek’*, в переводе означающее ‘большой палец’. Последнее название указывает на то время, когда стрела спускалась при помощи большого пальца. Части дерев[янной] ловушки (у алтайцев *‘cergej’* или *‘certki’*)^{vi} носят также названия, перенесенные со стрелы и лука. Так, ударяющая часть называется *‘soŋan’* — стрела, натягиваемая дуга — *‘ja’* — лук, спускная палочка — *‘ergek’* — большой палец. У шорцев спускной курок у ружья называется *‘ergek’* — ‘большой палец’.

Как пережиток, лук и стрела сохранились в детских играх и в культуре. (л. 16) (рис. 3).

⁵ Название для лука — *‘oqča’* — у шорцев и сагайцев, несомненно, сложное и имеет два корня: *‘oq’* — стрела (ср. старинное название для стрелы, в настоящее время название для пули. В настоящее время стрелу называют *‘soŋan’* — шорцы, *‘soŋon’* — алтайцы) и *‘ča’* — лук (алтайск[ое] *‘ja’*, шорское *‘ča + čaq’*, кумандинское *‘njan’* и *‘njančəq’* и т.д.).

Низкий уровень техники, беспомощность охотников, затерявшихся в тайге, страх перед животными, боязнь неудачи при промысле и, как следствие этой неудачи, страх перед полуголодным существованием создали тот фантастический мир хозяев тайги и леса, духов, то способствующих, то мешающих промыслу, наделили необычайными и сверхестественными свойствами промысловых животных, приписали почти одушевленность и орудиям промысла. Вот почему охотничий промысел у всех этих племен сопровождался рядом религиозных обрядов, совершаемых до, после и во время охоты, и был связан рядом запретов — табу. Успех на (л. 17) промысле, по представлению всех этих племен, зависит от расположения хозяев гор и леса, от отношения к охотнику того или иного животного и от «удачливости» тех или иных орудий промысла.

К орудиям охотничьего промысла охотники относятся крайне заботливо и бережно. Ряд запретов существует по отношению к ним, неисполнение которых влечет за собою, по представлению охотника, промах ружья, 'неудачливость' самострела и ловушек, порчу петель, а следовательно, и неудачу промысла. Ловушки не любят, чтобы их бросали (сагайцы). Шорцы ни ружье, ни сеть (на соболя — *аһнуҕ*) никогда не бросают, а вешают или кладут тихо и хранят в амбаре вместе с охотничьей одеждой, не занося в дом. Нехорошо ударять (л. 18) ловушками друг о друга или о другие предметы (алтайцы). Ружье нельзя повертывать вверх ногами, т.е. вниз отверстием, — будет давить промах (кумандинцы). Запрещается женщинам дотрагиваться до ружья, сети и т.д. Так, напр[имер], когда шорцы вешают сеть на соболя (*аһнуҕ*), чтобы ее просушить, и сеть упадет на землю от ветра, женщинам не разрешается ее поднять. Орудия промысла, к которым прикоснулась женщина, теряют свою силу, и промысел будет неудачен (сагайцы, алтайцы), женщина, по представлению всех этих племен, своим прикосновением 'оскверняет' орудия промысла. (л. 19) Как охотн[ичьи] животные мыслятся «имуществом», «скотом» хозяев гор и воды, так же очень часто и орудия промысла представляются дарованными и сотворенными этими же хозяевами. «Хоз[яин] горы и леса пошлет зверя, пошлет и чем ловить их, вот один самострел сделаешь — ничего не убьешь, петли поставишь — зверь разорвет, а в другие сам бежит (сагайцы). Алтайцы в молитвах к *Чанты* хану говорят: "Белобородый отец мой! Создавший самострел и петли»» [Анохин 1924: 92].

Среди орудий промысла охотники выделяют особо удачливые ружья, ловушки, самострелы. Такие (л. 20) удачливые орудия окружаются особым вниманием и заботой, особо ценятся, и табу по отношению к ним выдерживается значительно строже. Такие 'удачливые' орудия запрещается отдавать постороннему, иначе к нему перейдет вместе с ними и удача. (л. 21)

Алтайские и минусинские турки рисуют духов, ими созданных по образу своему и подобию, наделяя их своими свойствами, образом жизни и т.д. Точно так же они представляют и жизнь души в загробном мире.

Души умерших людей охотятся в далеких тайгах, гоняются за марамами и козами. Это отголосок свиста их стрел (сагайцы). Пули охотников — душ умерших — издают особое шипение, попадая на землю, причиняют гибель скоту и людям (телеуты). Души умерших людей ставят петли и самострелы, охотятся на высоких тайгах. Ставят сети на рыбу и воруют из сетей один у другого (л. 22), но зато охотятся каждый в своей тайге (шорцы).

Духи охотятся за людьми и за шаманами, ставя на них петли и насто-раживая самострелы (кумандинцы, телеуты). Куралдай-хан, по представлению алтайцев, живет в бесплодных сопках, при прохождении кама через его владения ставит силки для того, чтобы поймать кама и воспользоваться его жертвой. При спуске шамана к Эрлику на месте отверстия в землю *čer tamъ* слуги Эрлика насто-раживают самострелы и не пропускают шамана (сагайцы). Тебир-кан (л. 23), по представлениям шорцев, стреляет из лука и может своей стрелой нанести вред человеку и животным. Шаман должен во время камлания над больным вынуть невидимую стрелу с помощью своих духов, и только тогда человек и животное получает[ют] исцеление. 'Тебир-кан' же защищает угодного ему шамана своими стрелами от нападения злых духов и шаманов.

Духи — предки шамана и духи-помощники, вооруженные луками и стрелами, являются на защиту «своего» шамана и помогают ему в нападениях на других шаманов. Совершенно естественно (л. 24) луки и стрелы, являющиеся необходимой принадлежностью каждого охотника, должны были стать предметом обладания и духов. И в то время как в данном обществе луки и стрелы давно уже сменились более усовершенствованными орудиями промысла, в частности ружьями, духи по-прежнему и еще в большей степени продолжают владеть луками и стрелами. Так, кумандинский шаман обращается к своим духам:

altyn sādaq salynʔandar,
kūmūš sādaq salynʔandar.
uluḡ qan-pijleri —

«Золотой лук на себя надевшие, серебрян[ый] лук на себя надевшие, начальники-ханы».

Шорские шаманы обращаются к Темир-хану:
seḡ qoluḡ qāčbḡ polzun,
seḡ qarayḡ ura polzun,
seḡ soḡanyḡ qaraqtyḡ polzun,
seḡ čačayḡ oḡniḡ polzun,
atqan soḡanyḡ saba polzun,
tutqan qoluḡ soqsulbazyn (л. 25)

— «Рука твоя пусть крепкой будет, стрела твоя пусть с глазами будет, лук твой пусть удачливым будет. Пущенная тобою стрела пусть не пройдет мимо. Рука, которой ты держишь лук, пусть не дрогнет».

Алтайские шаманы просят хозяина Алтая Чапты-хана «быть непроницаемой броней для стрел, быть ополчением, непобедимым для неприятеля», т.е. охранять шамана от стрел враждебных духов и шаманов [Анохин 1924: 95]. Во время мистерии Эрлика шаман обращается в молитвах к «стрелкам, убивающих козлов», которые собрались у дверей Эрлика [Анохин 1924: 88]. (л. 26) Обращаясь к предкам, шаман говорит: «Äр-Сāдак шаман, у которого ружье-лучок» [Анохин 1924: 91]. По представлению телеутов, духи *каны* стреляют *көрмөс*'ов из луков и охраняют людей. Сагайцы рассказывают о своем могущественном шамане Топлаке следующее: во время его борьбы с урянхайским шаманом в тело последнего вонзилась стрела с крючковатым наконечником, пущенная сагайским шаманом (его духами). Вынуть эту стрелу не в силах были 20 шаманов [Катанов 1909: 275]. Старики (л. 27) шорцы в Анжуле уверяли, что их недавно умершего шамана застрелили духи другого шамана (живущего по р. Төб), с которым он постоянно ссорился и враждовал при жизни [Дыренкова 1930: 279; ср.: Анохин 1924: 140].

Вот почему мы встречаем изображения духов с луками и стрелами на шаманских бубнах (рис. 4). Это духи, охотящиеся в неведомых тайгах,

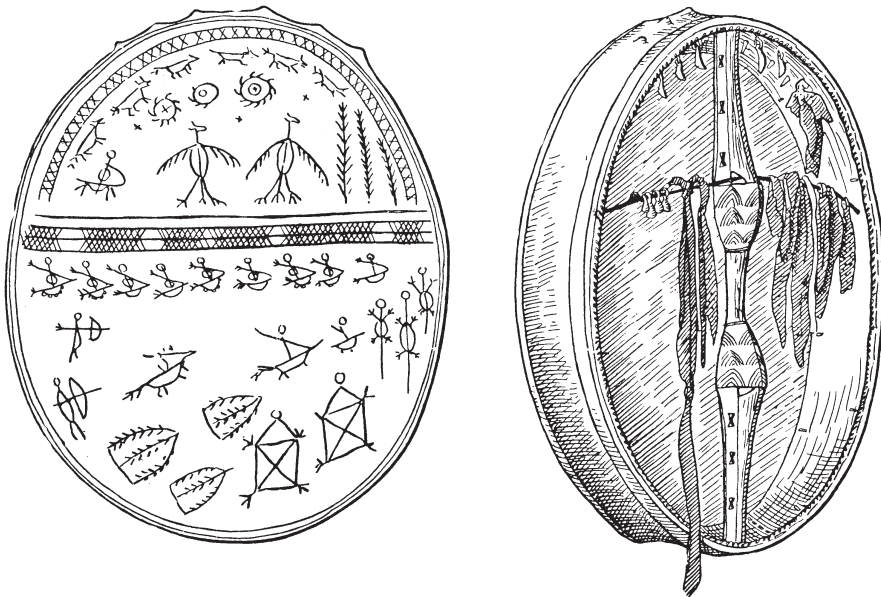

Рис. 4. Прорисовки шаманского бубна. На лицевой стороне изображены духи, стреляющие из лука. Шорцы, конец XIX в. (МАЭ, колл. 1048-67) [Левин, Потапов 1961: 480 (табл. V, рис. 1)]

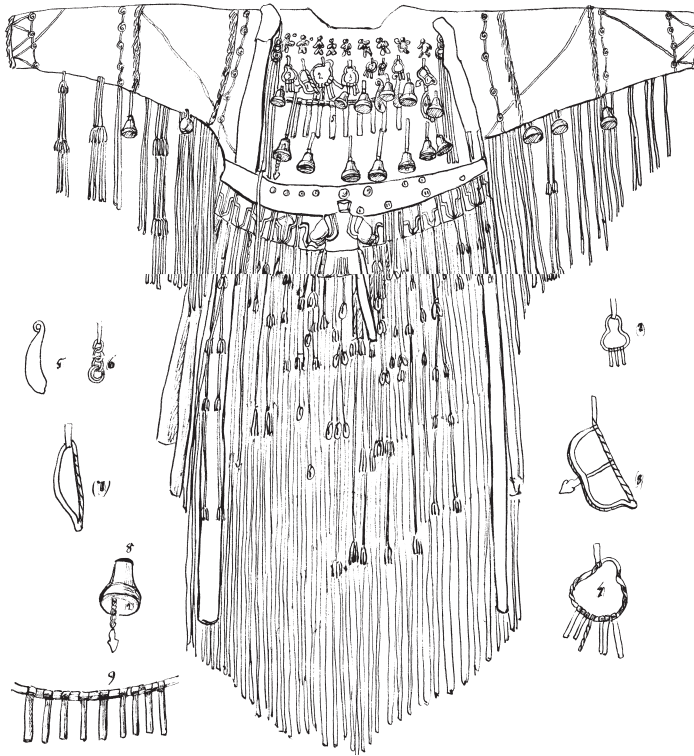

Рис. 5. Шаманский костюм, среди подвесок два миниатюрных лука
[Анохин 1924: 35 (рис. 2)]

с одной стороны, и духи — защитники шамана (л. 28), его опора — с другой. У каждого шамана есть свой особый дух-помощник — ‘стрелок’, защищающий его в далеких и опасных путешествиях в надземные и подземные миры. Он носит название *адъгъсь* (шорцы, сагайцы, кумандинцы, шолганы), *адусу* (алтайцы), *адаасу* (телеуты), *sadaqtu kiži* (человек, имеющий лук, — тубалары) [ср.: Вербицкий 1884; Радлов 1893–1911, I: 483, 489, 495–496; Потанин 1883: 46 — «*атыгжа* — стрелец»]. У шорцев и кумандинцев этого духа часто называют еще *атқуёу* (хороший меткий стрелок)⁶. (л. 29)

Из этих же представлений вытекает и необходимость для шамана иметь луки и стрелы для защиты и для нападения. Мы встречаем маленькие луки и стрелы в числе подвесок на шаманском костюме у алтайцев [Анохин 1924: 41]. Так, по сообщению А.В. Анохина на спинной части *манжака* (шаманского облачения) под верхним колокольцем пришивается 1 десяток луков (*ја*) со стрелами (*јябй*). У некоторых *манжак*’ов луков бывает два (рис. 5). Стрелы на шаманском (л. 30) костюме наряду с подвесками ‘*коңура*’

⁶ Сравн. *атқуісі* (Dsch. OT) — стрелок, воин [Радлов 1893: 466].

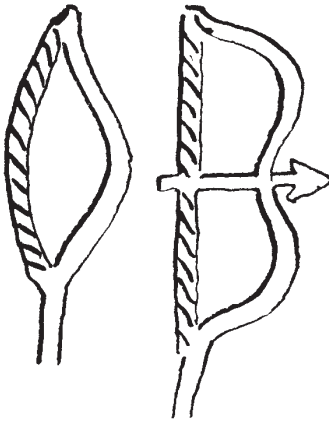

Рис. 6. Миниатюрные металлические луки на шаманском kostюме.
Алтайцы, конец XIX в.
[Анохин 1924: 1924: 40 (рис. 15, 16)]

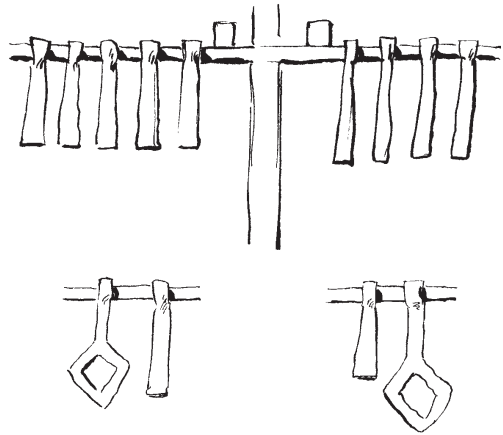

Рис. 7. Металлические подвески на шаманском бубне, символизирующие стрелы. Алтайцы, конец XIX в.
[Анохин 1924: 53 (рис. 50, 51)]

и 'кулак' составляют часть 'общей брони шамана', ими он отражает злых духов (МАЭ, coll. № 5068-93). «Кроме жгутов и ремней на шаманском плаще, — говорит Потанин, — часто встречаются стремянообразные железные треугольники, на одно из колен которых вдеты железные привески: железный лучок с наложенною стрелюю. Он имеет своей целью отпугивать от камлающего шамана злых духов» [Потанин 1883: 50].

Аналогичные подвески с шаманского костюма в виде лука и стрелы имеются и в коллекциях МАЭ (МАЭ, coll. № 5068-93) (рис. 6, 7). То же значение (для защиты и нападения) имеют и подвески в виде маленьких мечей на бубнах шаманов. Они носят название *qylyš* (шорцы, телеуты), *qylyč* (кумандинцы), *qylys* (сагайцы, бельтиры, качинцы), что в переводе означает 'меч' [Анохин 1924: 41; Клеменц 1890: 25; Катанов 1890: 238; описи coll. МАЭ, № 2390-1, 2164-4 и др.]. (л. 31)

«Пластинки, — пишет Анохин, — подвешиваемые на *kipiš*, называются *коңура* и символизируют стрелы, которыми отражают злых духов⁷. С *коңура* подвешиваются стрелы (*jäbä* или *ок*), иногда две. Они считаются орудиями против злых *көрмөс*'ов. Число стрел находится в зависимости от числа *ару-төс*'ей, которым служит шаман [Анохин 1924: 54]. Последнее указание Анохина на то, что количество духов определяется числом стрел, может быть сопоставлено с указанием Палласа на то, что количество бойцов в родах считалось по (л. 32) числу луков^{vii}.

Нападая на людей и шаманов с помощью луков и стрел, духи, по представлению всех этих племен, сами, конечно, боятся лука и стрел. Вот по-

⁷ Такое же значение имеет, следовательно, и *коңура* на шаманском kostюме.

чему, чтобы охранить ребенка от злых духов, все матери вешают у колыбели своих детей или около [нее] на стене юрты маленькие луки и стрелы [Дыренкова 1928: 134⁸; Яковлев 1900: 64]. *Umaj* или *Maj* — охранительница и покровительница ребенка — стреляет при приближении злых духов и отгоняет их⁹. В молитвах к ней обращаются:

*Kök Ülgeneñ tüžerde
kün solonjy tartynyp tüšken
altyn qastaq tudup tüšken
paraq paštu maj-ene
ajna keler janyna
altyn qastağyn tudunup tur
jektiñ keler janynañ
ja-ba oğunj tudunup at*

— «Спустившаяся с синего Ульгена^{viii}, спустилась, растягивая радугу, подобную солнцу. Спустилась, держа золотой лук»^{ix}. (л. 33) В сторону злого духа держи свой золотой лук. В то, что придет со стороны злого духа, стрелу и пулю твою держи, стреляй». (л. 33)

Телеуты иногда подвешивают колыбель на больш[ом] дер[евянном] луке (МАЭ, колл. № 2282-15).

Но, будучи рассматриваемы как защита от злых духов, эти луки и стрелы в то же время являются амулетами. Им приписываются магические и чудесные свойства. Так, во время обряда испрашивания ребенка бурханисты (алтайцы и телеуты) подвешивают маленькую колыбель и стрелу, которая, по их представлениям, будет способствовать рождению ребенка. У всех этих племен запрещается, пока ребенок маленький, ломать или небрежно обращаться с подвешенными луками и стрелами, в противном случае ребенку грозит болезнь или даже смерть. (л. 34).

Но только лишь исчезнув из производства, лук и стрелы получают специфическое значение в ритуале и культе. Совершенно так же, как, напр[имер], у телеутов, которые живут в избах с русскими печами, при жертвоприношении Ульгеню ставят специальную юрту — *alancik*, при жертвоприношении огню — 3 слепленных из глины или теста камня, символизирующих бывший некогда очаг в юрте [Дыренкова 1927b: 68, 71–72], как шорцы, сагайцы, алтайцы и кумандинцы при свадьбе зажигают новый очаг при помощи огнива [Вербицкий 1893: 17; Катанов 1907: 47 и др.] (л. 35), точно так же лук и стрелы остаются при исполнении отдельных религиозных обрядов. На этой стадии они получают ярко выраженный чудодейственный, сверхъестественный характер.

⁸ Приведена библиография.

⁹ МАЭ, колл. № 5069-24 аб. (шолганы), И-135-102 (алтайцы), 2242-14 (телеуты), 3665-(?) (шорцы), 2164-13 (сагайцы), 1771-13 (качинцы).

Так, у шорцев, у кот[орых] лук и стрелы уже давно исчезли, удалось встретить у одного шорца (улус Кызыл суг) старинные стрелы (ИАЭ [МАЭ], колл. № 3645-138-139) и колчан, которые он хранил под крышей в амбаре. Никто из женщин не имел права прикоснуться к домашней святыне. В случае несчастья в семье, чьей-либо болезни или заболевания скота старик сам влезал в амбар, без шапки, бережно доставал стрелы и совершал обряд над больным, читая «*alas*» и обводя вокруг заболевшего этими стрелами или обходя (л. 36) их кругом.

У старика-алтайца (в улусе <неразборчиво>) хранился наконецник старин[ной] стрелы, про который он лаконически ответил, что держит для того, чтобы скот стоял, т.е. водился. Кумандинские и шолганские шаманы совершают некоторые небольшие камлания при помощи маленького лучка, специально для этой цели сделанного (ИАЭ [МАЭ], колл. № И-1351-293; колл. № 5069-25, шолганы; колл. № 5063-75, кумандинцы). С маленьким лучком может совер[шать] камлание и алтайский шаман. Так, Анохин пишет: «В исключительных случаях шаман и шаманка могут заменять бубен лучком — “*jölgö*”. Впрочем, *jölgö* не может обслуживать полного камлания, а только часть его, когда узнают волю духов. Есть такие шаманы и (л. 37) шаманки, которые при совершении многих обрядов ограничиваются только одним *jölgö*. Но последние обслуживают религиозные нужды только своих родственников» [Анохин 1924: 52]¹⁰. Шаман, как представитель религии, которая консервирует все прежнее, старинное, отжившее, естественно удерживает в своем ритуале лук и стрелы, некогда игравшие такую большую роль в производстве общества.

Интересно также отметить, что поперечная железная перекладина бубна носит у всех этих племен название *kiriš* (*кириш*), *kiris* (*кирис*), что значит тетива лука [Анохин 1924: 53; Катанов 1890: 237; Яковлев 1900: 56]¹¹ (л. 38) [Анохин 1924: 64]. У шорцев, сагайцев эта поперечная перекладина символизирует наследственную передачу шаманского дара (рис. 8). Так, когда умирает шаман, то в той семье его родителей, в которую должна перейти сила шамана, или где хотят, чтобы был свой шаман, или где уже имеется ребенок с явным предрасположением к шаманскому служению, сохраняют эту перекладину и впоследствии прикрепляют ее к новому бубну новообъявившегося шамана (ИАЭ [МАЭ], колл. № 3665-13, шорцы; колл. № 5062-254, сагайцы). (л. 39)

По сообщению В. Вербицкого, во время камлания Ульгеню шаман представл[яет] стреляющего Кара-Коша, прицеливается бубном и, проведя по бубну и притянув к себе колотушку, с криком ‘*ay!*’ представляет, что он

¹⁰ Ср.: [Радлов 1900]: *ja-byla qamnady* — «он ворожил луком».

¹¹ Анохин: «грудь *äzi* (рукоятку бубна) пересекает прут железа *кириш*»; Катанов: «поперек верх[ней] части рукоятки идет железная палка, наз[ываемая] ‘*кирис*’».

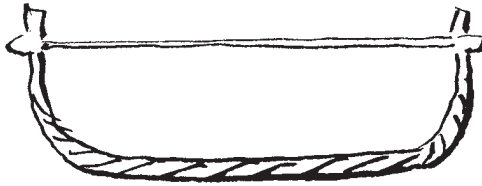

Рис. 8. Перекладина бубна ('*криш*' — рус. тетива).
Металл. Шорцы, начало XX в. (МАЭ, колл. 3645-32)

выстрелил на удачу (алтайцы, телеуты) [Вербицкий 1893: 70]. В шаманском же языке сагайцев иногда употребляется для приказа просушить над огнем бубен перед камланием выражение «натяни лук». Последние указания необходимо сопоставить с представлениями некоторых сибирских народов о бубне как о луке. Это (л. 40) представление сосуществует с более распространенными представлениями о бубне как о средстве передвижения шамана: коне, олене или лодке. В частности, у сибирских турок бубен считается оленем или чаще конем шамана¹². (л. 41)

Отдельные находки старинных наконечников стрел как на Алтае, так и особенно в Минусинских степях, с одной стороны, становились игрушками для детей, а иногда использовались для стрел самострела [Клеменц 1886: 161], с другой — зачислялись в разряд амулетов и чтились как предметы культа. Старики — бельтиры и сагайцы — хранили часто такие наконечники стрел, брали их с собой на промысел, считая, что они приносят удачу¹³ (л. 42), также поступали и старики-кумандинцы. Алтайцы привешивали также найденные наконечники стрел к привескам колыбели ребенка (*šaltraq*), а телеуты иногда клали в колыбель ребенка.

Такая чудодейственность и сверхъестественные свойства лука и стрелы особенно ярко отражаются в сказках всех этих племен. *Qosta* — богатырская стрела сама собою отыскивает врага (сагайцы) [Радлов 1893–1911, т. II: 626], *qosta* — богатырский лук самоходящий, как предмет одушевленный, отыскивающий врагов и их разящий (шорцы) [Вербицкий 1884: 145]¹⁴. (л. 43)

У алтайцев и телеутов такие чудесные стрелы и луки известны под названием *qastaq*¹⁵, *qajbur*, *qajbur-jebe*¹⁶ — черный лук [Вербицкий 1884:

¹² Подробно в моих работах: «Термин *бура* у алтайских турок в связи с культом оленя и лошади» и в «Атрибутах турецких и монгольских шаманов» — рукописи [опубликованы в настоящем томе. — *Прим. сост.*].

¹³ Улус Бай, сагайцы (Хакасская автономная обл.).

¹⁴ Ср.: монгольск[ое] *godoli* — сказочная стрела (согласно любезному сообщению пр[офессора] Н.Н. Поппе).

¹⁵ Ср. [Радлов 1899] — монгольское *godoli*.

¹⁶ [Вербицкий 1884] — монгольское и бурятское *kejbür* — особая тупая стрела в сказках, персидское *keibür* (по сообщению пр[офессора] Н.Н. Поппе).

116], *araçaj* и *paç paraç sadaq*¹⁷ [Вербицкий 1884: 283]. Чудесные стрелы пускаются с неба к богатырям, указывают богатырям путь, рассекают леса и горы и сужают моря. Алтайцы рассказывают о стрелах с 9-ю глазами, такие же стрелы — *altъ qaraqı̄b̄ḡ oq* — фигурируют и в сказаниях шорцев [Radloff 1866: 418, 420, 409 и др.; Radloff 1868: 357, 410, 124, 7, 39, 78, 602, 84 и др.; Катанов 1907; Никифоров 1915: 199, 34, 88, 80, 84 и др.; Токмашев 1915]. (л. 44)

И совершенно неслучайно, конечно, что название стрелы — ‘*кастак*’ — у большинства алтайских и минус[инских] турок имеет также значение «удача» и «прибыль»¹⁸. (л. 45)

Примечания

ⁱ Пройдя около 6 верст, я пересек ручей Иссе и несколько верст далее я сменил лошадей у речки Теи у кобинских татар, которые там стояли со своими юртами. Я там встретил старейшин или князей трех татарских родов, которые называются кобынцы, каргинцы и каинцы и все стоят под Кузнецком недалеко друг от друга. Род кобынцев состоит из 53 луков, каргинский род — из сорока... [Pallas 1776: 362].

ⁱⁱ Сам по себе Яринский аймак насчитывает 30 луков, и их старейшина, или князец, живет на Уйбате; Тинский или Бук-Тинский аймак состоит из 29 луков и имеет своего князьца на речке Кома... и наконец, род кайдинцев (Казан-Кайдинский аймак) имеет только 16 луков... [Pallas 1776: 339].

ⁱⁱⁱ Вся народность (сагайцев) состоит из не более ста пятидесяти мужчин, которые платят ясак, составляющий три рубля с лука [Pallas 1776: 348].

^{iv} В рукописи: ‘*cacaуyn*’ ‘*carnуnаң*’.

^v В рукописи: ‘*cacaq*’.

^{vi} В рукописи: ‘*cergej*’, ‘*ceriki*’.

^{vii} Работа С.П. Палласа автором не указана.

^{viii} «Синий Ульгень» — одно из божеств, видимо, точнее было бы это место перевести как «Спустившаяся от Синего Ульгения» или «Спустившаяся от Кёк Ульгения».

^{ix} *Kök Ülgen*, Синий Ульгень’ — одно из божеств; видимо, точнее было бы перевести как «Спустившаяся от Синего Ульгения».

Архивная справка

Хранение: АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 197 (45 л.).

Состав: один рукописный экземпляр статьи (л. 1–45).

Описание: рукопись выполнена синими чернилами на листах формата А4. В тексте есть вклейки, за счет которых несколько листов имеют больший формат.

¹⁷ *Sādaq* (к[ондомцы]) — лук с полным прибором в сказках, колчан [Вербицкий 1884: 283]. Ср. монгольское *sādāg* — колчан.

¹⁸ Кастак (т[елеуты]) — железный наконечник у стрелы; кастак (к[ондомцы]) — корысть, прибыль, польза [Вербицкий 1884: 133]; кастак (Tel[eut]) 1) — стрела с широк[им] желез[ным] наконечником. Кастак (Sch[ortz]) — корысть, прибыль, польза [Радлов 1899: 356].

Авторская пагинация страниц не совпадает с архивной, так как первые четыре листа пронумерованы римскими цифрами, а с пятого — арабскими.

Датировка: по архивной описи: 1926–1930-е гг. Завершена статья не ранее 1933 г., так как в нескольких ссылках на коллекции стоит аббревиатура ИАЭ — Институт антропологии и этнографии, образованный в 1933 г.

Состояние: листы пожелтели, края некоторых листов повреждены.

Иллюстрации к статье: в качестве иллюстраций использованы только некоторые из фотографий и рисунков, подготовленных Н.П. Дыренковой для настоящей работы, состояние которых оказалось пригодным для публикации. Все остальные иллюстрации хранятся в АМАЭ РАН (Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 199).